

ПОЛИТИКА

Э.Д.Понарин, М.О.Комин
ДИЛЕММА РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА
«ИМПЕРСКИЙ» И ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

Ключевые слова: национализм, этнический национализм, «имперский» национализм, российская элита, рессентимент

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта (№ 15-05-0059), выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015 г.

В последние годы тематика русского национализма все чаще становится предметом общественного внимания. «Русские марши», запрет и преследование организаторов Движения против нелегальной миграции (ДПНИ), судебный процесс по делу Боевой организации русских националистов (БОРН), цепочка событий от Кондопоги до Бирюлево — все это указывает на возросшую значимость данной тематики в публичном поле российской политики.

² Gellner, Breuilly 2008.

Необходимо подчеркнуть, что национализм как идеология не обязательно есть нечто однозначно отрицательное. Согласно Эрнесту Геллнеру², он вполне может представлять собой конструктивную силу, поскольку помогает выстраивать новые социальные солидарности в условиях распада традиционных социальных связей. Во многих европейских странах эпохи становления Модерна новая стандартизованная культура, которую и утверждает национализм, позволяла прежде чужим людям легче вступать в коммуникацию, находить общий язык в формальных контекстах. Как отмечает Славой Жижек, национализм, подобно иным формам идеологии, является естественной частью осмысления мира и существования в нем³. Он создает своего рода «пелену», защищающую человека от столкновения с неприятной для него действительностью и вытесняющую за пределы сознания отдельные ее элементы. Потребность в такой «пелене» усиливается при ухудшении социального или материального положения индивида⁴, то есть в те моменты, когда действительность становится для него особенно некомфортной: для того чтобы сгладить негативное самоощущение, человеку нужен некий инструмент оправдания, как бы возвышающий его над другими на основе не каких-либо реально измеримых (экономических) показателей успешности, а нематериальных норм и ценностей, признаваемых им и близкой ему социальной группой.

³ Жижек 1999.

⁴ См. Вебер б.з.

Более того, национализм обычно является важной составляющей идеологии, легитимирующей само существование государства. Эту функцию он приобретает с распадом феодальных отношений, когда принадлежность индивида к определенному клану, роду заменяется принадлежностью к конкретному государству. Как и любая идеология,

⁵ Brubaker 2004.

национализм актуализируется с появлением соответствующей потребности⁵, в современных условиях — это потребность в дополнительном источнике легитимности для государства.

⁶ Martin 2001.

Учитывая распад СССР и утрату прежней «советской» идентичности при сохранении полиэтничного характера российской государственности, а также реальное падение уровня жизни россиян за последние два года, развитие национализма в современной России представляется практически неизбежным. Изучение этого процесса тем более важно, что, единожды сформировавшись, национальная идентичность продолжает существовать в качестве вполне самостоятельного фактора⁶, мало зависящего от внешних обстоятельств. Иллюстрацией этого может, в частности, служить до сих пор ведущаяся во Франции борьба с различными проявлениями англосаксонской культуры, хотя еще с начала XX в. Париж находится в тесных союзнических отношениях с Лондоном.

Важно, однако, учитывать, что национализм неоднороден. Наряду с государственным национализмом (часто именуемым в литературе «гражданским»), нацеленным на интеграцию меньшинств в единое целое, есть национализм этнический, чреватый потрясениями и способный повлечь за собой разрушение государства. Следует также отметить, что государственный национализм может иметь имперский оттенок, когда сплочение, консолидация общества происходит в первую очередь на базе негативной идентификации, отталкивающейся от образа внешнего врага как «значимого другого». Эти виды национализма имеют разные источники и механизмы распространения, и выбор в пользу одного из них во многом определяется позицией элит и теми задачами, которые они перед собой ставят. В связи с этим для понимания направленности и перспектив развития современного русского национализма необходимо проанализировать констелляцию указанных факторов.

Исторический экскурс

⁷ См., напр. Slezkine 1994.

⁸ Гринфельд 2008.

По мнению большинства исследователей, на протяжении большей части российской истории распространение национализма и в обществе, и в элитах было довольно слабым⁷.

Русская национальная идеология зародилась в конце XVIII в.⁸, когда обнаружилось, что, несмотря на радикальную петровскую модернизацию, Россия так и не сравнялась с Западной Европой, а русские не превратились в европейцев. Одним из следствий осознания данного факта стало разочарование политической и культурной элиты в Западе, которое, в свою очередь, способствовало росту интереса к родной истории, родному языку и традициям — в общем, к тому, что позднее начали называть «народностью» в духе заимствованного из Германии романтического национализма. Этот национализм носил антизападный характер: несмотря на свою привлекательность в качестве образа жизни и образа мысли, Запад вызывал отторжение и ненависть, поскольку

даже модернизированная Россия и русские выглядели на его фоне далеко не блестяще. Другими словами, речь шла о гражданском или, точнее, «имперском» национализме, главным источником которого было именно чувство разочарования и соответствующий рессентимент⁹ элит по отношению к коллективному Западу.

⁹ Там же.

Понятно, что в условиях, когда большинство населения страны составляли крестьяне, не имевшие возможности приобщиться к новой «русской культуре», оставшейся уделом аристократии, и — тем более — незнакомые с культурой Запада, подобные взгляды не могли стать массовыми. Эффект от так называемых «хождений в народ» был очень невысок¹⁰. Неграмотность крестьян и отсутствие средств массовой информации препятствовали распространению в обществе националистических (как и любых других) идей эпохи Модерна.

¹⁰ Ляшенко 1989.

Русский национализм оставался слабым и в начале XX в. Вероятно, данное обстоятельство сыграло свою роль в победе в гражданской войне большевиков, провозглашавших альтернативные национализму космополитические принципы, над белыми армиями, в большинстве своем отстаивавшими национальную идею.

Еще в 1920-е годы «великорусский шовинизм» объявлялся в СССР идеологически вредным¹¹. Однако уже к середине следующего десятилетия ситуация изменилась, что не в последнюю очередь было связано с потребностью в поиске дополнительных инструментов, способных сплотить страну. В этих условиях коммунистическая идеология совершила резкий разворот в сторону национал-большевизма, нашедшего отражение в курсе на строительство социализма в отдельно взятой стране. Сочетание националистических и коммунистических идей породило новую идеологию, на какое-то время усилившую легитимность режима. Тем не менее истолковывать позднесталинскую национальную политику как русский национализм не вполне правомерно. В тот период поощрялась скорее советская, нежели русская идентичность. Взяв в качестве основы многие элементы русской культуры, Сталин конструировал не русскую, а советскую нацию.

¹¹ Slezkine 1994.

Русским в Советском Союзе была отведена роль «имперского клея»¹² — большинства, которое поддерживало целостность полиэтнического общества, с одной стороны, прививая некоторые элементы русской культуры в качестве всеобщих, с другой стороны, поощряя развитие больших народов в рамках союзных республик (в частности, через политику «коренизации»). Подобная ситуация вполне характерна для полиэтничных государств; сходные явления наблюдались, например, в Австро-Венгерской империи и в Югославии.

¹² Vujacic 2007: 161.

Поскольку идентичность русских в СССР ассоциировалась прежде всего с советской идеологией, при крушении старой системы большинство из них столкнулось с кризисом идентичности. В результате возник запрос на новую коллективную идентичность, в роли которой выступил национализм.

**«Имперский»
vs. этнический
национализм**¹³ См. *Российская элита 2013*.¹⁴ Гудков 2015.¹⁵ Дубин 2002.¹⁶ Гельман 2015.¹⁷ *Zimmerman 2002, 2009*.

Опыт «имперского» национализма в предшествующие исторические периоды, а также усиливающийся рессентимент постсоветской российской элиты в отношении Запада¹³ создают предпосылки для развития нового русского национализма именно в «имперском» направлении. При этом сохраняется негативная идентификация россиян, основанная на эксплуатации образа Запада, прежде всего США. Отметим, что антизападничество в целом и антиамериканизм в частности — весьма распространенная форма негативной коллективной идентификации¹⁴, свойственная многим странам догоняющей модернизации¹⁵. В качестве недостижимого, а потому ненавистного эталона развития США идеально подходят на роль «значимого другого», отталкиваясь от которого можно выстроить представление о самих себе.

Подобная идентификация полностью соответствует восприятию действительности значительной частью российских элит. Претензия на как минимум равные отношения России как правопреемницы СССР с ведущими странами Запада, построение гибридного режима¹⁶, базирующегося на специфической трактовке демократических институтов, разворот в сторону консервативных, патриархальных ценностей — все это в той или иной мере связано с широким распространением антиамериканизма.

О высоком уровне антиамериканизма среди российской элиты свидетельствуют результаты последних опросов, продолжающих серию исследований российской элиты, проводимых группой Уильяма Циммермана с 1993 г.¹⁷

Как видно из графика, приведенного на *рис. 1*, в США сегодня видит угрозу более 80% российской элиты. Этот беспрецедентный взлет антиамериканизма, вне сомнения, обусловлен резким обострением отношений между Россией и западным миром во главе с США. Обмен санкциями, однозначное осуждение западными странами действий РФ в Крыму и на юго-востоке Украины, расширение присутствия НАТО в Восточной Европе и т.д. — все это наложило свой отпечаток на отношение российской элиты к США, будучи воспринято как попытка ослабить Россию и положить конец укреплению ее позиций на мировой арене.

Подобное восприятие — естественное следствие углубляющегося рессентимента российской элиты. Стать равным партнером ведущих западных стран посредством выстраивания взаимодействия и согласования позиций не получилось, поэтому добиваться желаемого приходится с помощью других инструментов, в том числе силовых. Негативная реакция Запада на применение Россией этих инструментов толкуется как нежелание признавать возросшую роль нашей страны и считаться с ее национальными интересами. При этом последние все чаще трактуются в имперском ключе, выходя за рамки существующих территориальных границ (см. *рис. 2*).

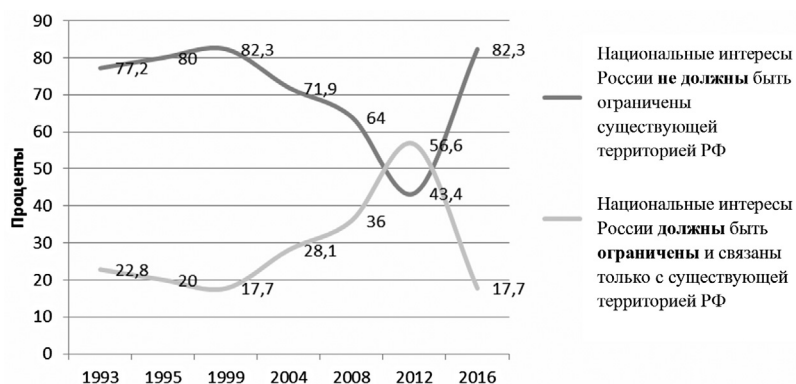
Между 2012 и 2016 гг. долгосрочная постсоветская тенденция к уменьшению имперских амбиций уступила место противоположной. Если в 2012 г. большинство представителей российской элиты

Рисунок 1 Восприятие российской элитой США как угрозы

Источник: Rivera S.W. et.al. 2016. *The Russian Elite 2016: Perspectives on Foreign and Domestic Policy.* — N.Y. С. 7 (<http://www.hamilton.edu/documents/russianelite2016final.pdf>).

Рисунок 2 Сфера национальных интересов России

Источник: Rivera S.W. et.al. 2016. *The Russian Elite 2016: Perspectives on Foreign and Domestic Policy.* — N.Y. С. 15 (<http://www.hamilton.edu/documents/russianelite2016final.pdf>).

считало, что национальные интересы РФ должны быть ограничены ее территорией, то сейчас этой точки зрения придерживаются менее 18%. Очевидно, что подобное изменение установок связано с действиями руководства страны с начала 2014 г. Усиление негативного отношения к США — важная часть этого поворота.

На массовом уровне антиамериканизм выражен несколько слабее, чем среди элиты¹⁸. Это обусловлено сразу несколькими причинами.

Во-первых, в кругу элит рессентимент получил большее распространение, нежели среди простых россиян. Ведь именно элиты, а не массы всерьез пострадали от падения престижа России на мировой арене,

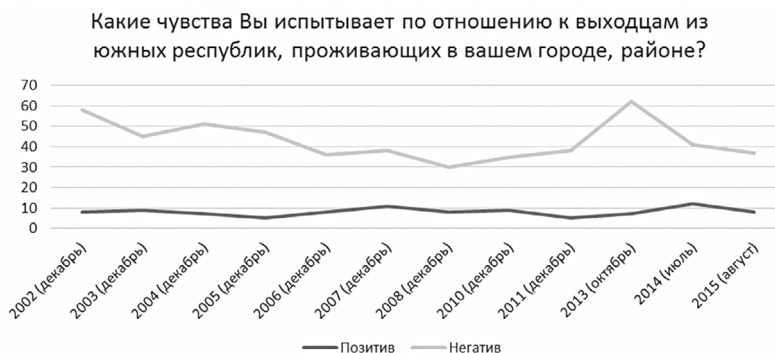
¹⁸ См. Rose 2010; *Международные 2016.*

причем, в отличие от масс, ухудшение жизни которых после распада СССР и в 1990-е годы не имело очевидного отношения к США, потерю элитой своего положения агентов сверхдержавы было проще всего объяснить происками Америки.

Во-вторых, негативная идентификация может отталкиваться от разных «значимых других». На уровне массового сознания в этой роли выступает и «этнический другой» — выходец с Северного Кавказа либо из азиатских стран СНГ. Со временем этнический фактор слился с профессиональным, и образ «значимого другого» приобрел отчетливый мусульманский оттенок.

Согласно данным Левада-Центра, негативное отношение к представителям мусульманских народов присутствует в большинстве российских регионов на протяжении как минимум последних 15 лет (см. рис. 3). Подобная ситуация связана не только с активным притоком мигрантов-мусульман в Центральную Россию, но и с финансовыми льготами и прямым перераспределением ресурсов в пользу некоторых северокавказских республик, что вызывает массовое недовольство. Отсюда, в частности, популярность лозунгов типа «Хватит кормить Кавказ», а также движений, стоящих на позициях этнического национализма.

Рисунок 3 Отношение россиян к выходцам из южных республик РФ

Источник: Ксенофобия и национализм. 2015 // Левада-Центр. *Пресс-выпуски*. 25.08 (<http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/>).

Важно отметить, что этнический национализм на массовом уровне усиливается в периоды ослабления антиамериканизма и порождает им «имперского» национализма. Именно в эти периоды имели место и наиболее значимые волнения на межэтнической почве (в с. Яндыки Астраханской области в 2005 г., в г. Кондопоге Республики Карелия в 2006 г., на Манежной площади в Москве в 2010 г., в Западном Бирюлеве, в г. Пугачеве Саратовской области и в г. Удомле Тверской области в 2013 г.). В свою очередь, в периоды усиления антиамериканизма и, соответственно, «имперского» национализма, пики которых приходится

на моменты особенно острой конфронтации России с Западом (введение войск США в Ирак в обход Совета Безопасности ООН в 2003 г., война в Южной Осетии в 2008 г., обмен санкциями и гибридная война после событий в Крыму и на юго-востоке Украины в 2014—2015 гг.) (см. рис. 4), националистические настроения этнического толка идут на спад.

¹⁹ Индексы рассчитаны на основе данных опросов общественного мнения, проведенных Левада-Центром в 2002—2016 гг. (см. Ксенофобия 2015; Международные 2016), как разность позитивных и негативных оценок.

Отмеченная тенденция, указывающая на дихотомию этнического и «имперского» национализма в российском обществе, отчетливо видна на объединенном графике индексов отношения россиян к кавказским этносам и к США¹⁹ (см. рис. 5). Фактически зеркальное отражение представленных на графике кривых говорит о взаимозамещении двух типов национализма в сознании большинства россиян. При снижении антиамериканизма происходит рост антикавказских (и шире — антимигрантских) настроений, и наоборот. О значимости данной взаимосвязи свидетельствует коэффициент корреляции Пирсона, равный $-0,46$.

Рисунок 4 Отношение россиян к США

Источник: Международные отношения. 2016 // Левада-Центр. Пресс-выпуски. 07.04 (<http://www.levada.ru/2016/04/07/mezhdunarodnye-otnosheniya-2/>).

Рисунок 5 Динамика отношения россиян к кавказским этносам и к США

Подобная отрицательная связь между двумя видами национализма, на наш взгляд, объясняется тем, что характер «значимого другого» имеет прямые политические импликации, во многом определяя коридор возможностей как во внутренней, так и во внешней политике. Если Россия считает мусульман чужими, интеграционные процессы на постсоветском пространстве невозможны; в то же время антимусульманская идентичность вполне совместима с осознанием себя частью Запада. Если же, напротив, главный «значимый другой» — США, наладить нормальные отношения с Западом весьма затруднительно, но через апелляцию к американской угрозе можно сплотить не только все народы России, но и ее соседей, что облегчает постсоветскую интеграцию.

**Решение
дилеммы
русского
национализма**

Вплоть до 2014 г. официальная политика России в сфере национальной идентичности носила двойственный характер, поскольку пыталась ответить на противоречивые запросы — первоначально элит, а затем, в связи с повторяющимися этническими волнениями, и масс. Двойственность выражалась в строительстве как бы этнически инклюзивного общества, но при особой роли русского народа в качестве государствообразующего, которая особенно подчеркивалась в моменты межэтнических конфликтов внутри страны. Такая двойственная позиция власти была отчетливо артикулирована, в частности, в программной статье Владимира Путина «Русские: национальный вопрос»²⁰, где одновременно делался акцент на скрепляющей страну гражданской идентичности и государствообразующей роли русского народа.

²⁰ Путин 2012.

До событий в Крыму и на юго-востоке Украины заложенное в этой схеме противоречие между «имперским» и этническим русским национализмом, обусловленное дихотомичностью негативной идентификации, по большей части игнорировалось. Однако нынешнее обострение отношений с западными странами в связи с украинским кризисом можно интерпретировать как выбор в пользу национализма «имперского» типа с противостоянием большой (инклюзивной) русской нации западному миру. Используя утверждение США в качестве «значимого другого» в восприятии как элит, так и масс²¹, власть взяла курс на построение новой евразийской державы, что, в свою очередь, потребовало от нее действий, направленных на смягчение внутренних межэтнических противоречий. Маргинализация и криминализация движений, стоящих на позициях этнического русского национализма (дело БОРН, преследование лидеров движения «Русские»), — прямое следствие такого поворота.

²¹ В 2014—2015 гг. зафиксирован пик негативных оценок по отношению к США (см. рис. 1, 4).

На наш взгляд, произошедшее в 2014—2015 гг. следует трактовать как ответ на важнейшую дилемму русского национализма: быть ли новой России многонациональной империей или же национальным государством? На вероятность избранного варианта провидчески

указывал еще 30 лет назад Роман Шпорлюк, отмечавший, что российский правящий класс может воспользоваться новой имперской идеологией для расширения своей власти за пределы России, используя недовольство этнических меньшинств на территории соседних государств (тогда еще бывших союзными республиками)²².

²² Szporluk 1989.

Помимо отмеченного выше сдвига в политике власти на закрепление «имперского» варианта национализма работает целый ряд факторов.

²³ Рогов 2015.

1. Повышение восприимчивости масс к антиамериканизму под влиянием событий на Украине²³. С самого начала украинских событий элиты транслировали мысль о вмешательстве в них Запада в целом и США в частности в противовес интересам РФ. Поскольку народ Украины традиционно воспринимался в России как братский, происходящее в этой стране привлекло внимание абсолютного большинства россиян, что многократно усилило воздействие официальной пропаганды, в том числе по сравнению со сходными событиями в Косово и Южной Осетии, тем более что украинский конфликт оказался самыми протяженным во времени. В результате сконструированный элитами антиамериканизм, похоже, действительно прочно закрепится в сознании россиян.

2. Возрождение державного образа России вследствие военной операции в Сирии. Демонстрация возросшей эффективности российских вооруженных сил (так называемое «шоу военной силы»), успешное отстаивание своих интересов на территории другого государства, полноценное участие в решении общемировой проблемы — борьбе с терроризмом — позволили элите транслировать мысль о повышении роли России в мире, восстановлении ее позиций на мировой арене. Подобное самовосприятие поддерживает «имперский» вариант национализма.

²⁴ Кадыров 2015.

²⁵ Рамзан 2015.

3. Постепенное размывание значимости «этнического другого». События последних лет серьезно отразились на восприятии в русских регионах страны жителей северокавказских республик. Участие выходцев из этих республик в конфликте на юго-востоке Украины на стороне позитивно оцениваемых россиянами ДНР и ЛНР²⁴, неоднократные заявления чеченского лидера Рамзана Кадырова о готовности преследовать террористов как на территории Чечни, так и за ее пределами²⁵, ослабляют антикавказские настроения на массовом уровне, способствуя имперской консолидации этнически разных частей российского общества в единое целое.

Библиография

Вебер М. *Хозяйство и общество* (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000306>).

Гельман В. 2015. *Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма.* — СПб.

- Гринфельд** Л. 2008. *Национализм: Пять путей к современности*. — М.
- Гудков** Л. 2015. Структура и функции российского антиамериканизма: фаза мобилизации 2012—2015 года // *Вестник общественного мнения*. № 3—4 (121).
- Дубин** Б. 2002. Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 3.
- Жижек** С. 1999. *Возвышенный объект идеологии*. — М.
- Кадыров**: все чеченские добровольцы, воевавшие в Донбассе, вернулись. 2015 // *РИА Новости*. 31.07 (<https://m.ria.ru/society/20150731/1155371243.html>).
- Ксенофобия** и национализм. 2015 // Левада-Центр. *Пресс-выпуски*. 25.08 (<http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/>).
- Левада** Ю. 1990. «*Есть мнение!*»: *Итоги социологического опроса*. — М.
- Ляшенко** Л. М. 1989. *Революционные народники*. — М.
- Международные** отношения. 2016 // Левада-Центр. *Пресс-выпуски*. 07.04 (<http://www.levada.ru/2016/04/07/mezhdunarodnye-otnosheniya-2/>).
- Путин** В. 2012. Россия: национальный вопрос // *Независимая газета*. 23.01.
- Рамзан** Кадыров: надо ввести смертную казнь для террористов. 2015 // *Vesti.ru*. 15.10 (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=2675911>).
- Рогов** К. 2015. «Крымский синдром»: механизмы авторитарной мобилизации // *Контрапункт*. № 1.
- Российская элита 2020: Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай»**. 2013. — М.
- Brubaker** R. 2004. *Ethnicity without Groups*. — Cambridge (Mass.), L.
- Gellner** E., Breuilly J. 2008. *Nations and Nationalism*. — Ithaca.
- Kagarlitsky** B. 2002. *Russia under Yeltsin and Putin: Neo-liberal Autocracy*. — L.
- Martin** T.D. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939*. — Ithaca.
- Rivera** S.W. et.al. 2016. *The Russian Elite 2016: Perspectives on Foreign and Domestic Policy*. — N.Y. (<http://www.hamilton.edu/documents/russianelite2016final.pdf>).
- Rose** R. 2010. *New Russia Barometer, 1992—2009* (<http://www.esds.ac.uk/findingData/snDescription.asp?sn=6445>).
- Slezkine** Yu. 1994. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. Vol. 53. № 2.
- Szporluk** R. 1989. Dilemmas of Russian Nationalism // *Problems of Communism*. Vol. 38. № 4.
- Vujacic** V. 2007. Stalinism and Russian Nationalism: A Reconceptualization // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 23. № 2.

Zimmerman W. 2002. *The Russian People and Foreign Policy: Mass and Elite Perspectives, 1993—2000.* — Princeton.

Zimmerman W. 2009. *Contemporary Russian Foreign Policy Elite Conceptions of Russia's National Interests: «People and State» and «Statist» Perspectives.* — Washington (http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2009_823-11g_Zimmerman.pdf).

References

- Brubaker R.** 2004. *Ethnicity without Groups.* — Cambridge (Mass.), L.
- Dubin B.** 2002. Antiamerikanizm v evropejskoj kul'ture posle Vtoroj mirovoj vojny // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny.* № 3.
- Gellner E., Breuilly J.** 2008. *Nations and Nationalism.* — Ithaca.
- Gel'man V.** 2015. *Modernizacija, instituty i «porochnyj krug» post-sovetskogo neopatrimonializma.* — SPb.
- Greenfeld L.** 2008. *Nacionalizm: Pjat' putej k sovremennosti.* — M.
- Gudkov L.** 2015. Struktura i funkcii rossijskogo antiamerikanizma: faza mobilizacii 2012—2015 goda // *Vestnik obshhestvennogo mnenija.* № 3—4 (121).
- Kadyrov:** vse chechenskie dobrovol'cy, vovavshie v Donbasse, vernulis'. 2015 // *RIA Novosti.* 31.07 (<https://m.ria.ru/society/20150731/1155371243.html>).
- Kagarlitsky B.** 2002. *Russia under Yeltsin and Putin: Neo-liberal Autocracy.* — L.
- Ksenofobija i nacionalizm.** 2015 // Levada-Center. *Press-vypuski.* 25.08 (<http://www.levada.ru/2015/08/25/ksenofobiya-i-natsionalizm/>).
- Levada Yu.** 1990. «Est' mnenie!»: *Itogi sociologicheskogo oprosa.* — M.
- Lyashenko L. M.** 1989. *Revoljucionnye narodniki.* — M.
- Martin T.D.** 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939.* — Ithaca.
- Mezhdunarodnye** otnoshenija. 2016 // Levada-Center. *Press-vypuski.* 07.04 (<http://www.levada.ru/2016/04/07/mezhdunarodnye-otnosheniya-2/>).
- Putin V.** 2012. Rossija: nacional'nyj vopros // *Nezavisimaja gazeta.* 23.01.
- Ramzan Kadyrov:** nado vvesti smertnuju kazn' dlja terroristov. 2015 // *Vesti.ru.* 15.10 (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=2675911>).
- Rivera S.W. et.al.** 2016. *The Russian Elite 2016: Perspectives on Foreign and Domestic Policy.* — N.Y. (<http://www.hamilton.edu/documents/russianelite2016final.pdf>).
- Rogov K.** 2015. «Krymskij sindrom»: mehanizmy avtoritarnoj mobilizacii // *Kontrapunkt.* № 1.
- Rose R.** 2010. *New Russia Barometer, 1992—2009* (<http://www.esds.ac.uk/findingData/snDescription.asp?sn=6445>).
- Rossijskaja elita 2020: Analiticheskij doklad grantopoluchatelei Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday».** 2013. — M.
- Slezkine Yu.** 1994. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review.* Vol. 53. № 2.

Szporluk R. 1989. Dilemmas of Russian Nationalism // *Problems of Communism*. Vol. 38. №. 4.

Vujacic V. 2007. Stalinism and Russian Nationalism: A Reconceptualization // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 23. № 2.

Weber M. *Hozjajstvo i obshchestvo* (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000306>).

Zimmerman W. 2002. *The Russian People and Foreign Policy: Mass and Elite Perspectives, 1993—2000*. — Princeton.

Zimmerman W. 2009. *Contemporary Russian Foreign Policy Elite Conceptions of Russia's National Interests: «People and State» and «Statist» Perspectives*. — Washington (http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2009_823-11g_Zimmerman.pdf).

Žižek S. 1999. *Vozvyshennyj objekt ideologii*. — M.